

шивается изумительная аналогия с фактом спонтанного возникновения русско-сербского языка в начале XVIII в. под влиянием 400 букварей Феофана Прокоповича и 100 грамматик Мелетия Смотрицкого, которые в 1724 г. Максим Суворов привез в Сремские Карловцы. Если такая революция в развитии языка могла осуществиться в течение нескольких лет в среде, которая имела свою многовековую литературную традицию, значительно легче могло это произойти в древней Руси в годы создания первых русских школ и возникновения русской письменности. Мощностъ процесса, очевидно, зависела от количества рукописных оригиналов и числа учителей-болгар, которые при Владимире и Ярославе пришли на Русь, другими словами — от силы волны болгарской эмиграции после падения их государства в первом двадцатилетии XI в.

Обычное воззрение на существование непрерывных культурных, в частности литературных, связей между Русью и южным славянством в течение всего дотатарского периода имеет в виду прежде всего факт межславянских взаимосвязей на территории Святой Горы Афонской. Здесь найдены древнейшие памятники глаголической письменности: глаголические подписи под греческим актом Иверского монастыря 872 г., Зографское и Мариинское евангелия, Хиландарские и Зографские кирилловские листки XI в., предполагается, что с Афона мог быть принесен на Русь Супрасльский сборник, поскольку Супрасльский монастырь был в XV в. основан Ходкевичем для святогорских монахов; Афон сохранил и наиболее древние и лучшие рукописи литературных произведений большей части древнеболгарских писателей.¹²¹ Все это давало бы право думать, что болгарские монахи жили на Афоне в XI, а может быть, и в X в., в эпоху политического могущества и культурного расцвета Болгарской державы, как об этом говорит и традиция, записанная в позднейшем Зографском «сводном хрисовуле».¹²² В это же время, во всяком случае уже в первой половине XI в., существовал на Афоне и русский монастырь, сначала в Мариином монастырьке Древодела (Ксилургу), а с середины XII в. (1169 г.) и в монастыре св. Пантелеймона. Чрезвычайно интересен список «русских» книг в греческой описи имущества русского монастыря 1142 г., свидетельствующий, что в то время в монастыре существовала мастерская для переписывания книг, ибо большинство богослужебных книг находим здесь в нескольких экземплярах, которые, очевидно, не были нужны для литургических потребностей немногочисленной братии: 5 апостолов, 2 параклитика, 5 октоихов, 5 ирмологиев, 4 синаксаря, 2 патерика и 5 часословов (кроме 2 украшенных евангелий, священнического молитвенника, одного паримейника, комплекта из 12 миней, книги св. Ефрема Сирина, жития св. Панкратия Тавроменийского и одного Номоканона).¹²³ Совершенно очевидно, что эти труды по переписыванию рукописей в русском монастыре должны были начаться копированием болгарских и македонских оригиналов, которые могли быть взяты из тамошнего болгарского монастыря, что вело бы к предположению о существовании таких связей и в последующее время, после падения государства Самуила.

¹²¹ См.: Г. Ильинский. Значение Афона в истории славянской письменности. — ЖМНП, СПб., 1908, т. XI, стр. 11 и сл.

¹²² А. Стоилов. Своден хрисовул за историята на Зографския монастырь. — Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 447—457; А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 352—375.

¹²³ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — *Byzantinoslavica*, t. IX. Prague, 1947, стр. 55—85; t. XI, Prague, 1950, стр. 32—60; Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, стр. 50—67.